

Ответственный редактор Я. П. Б и р з г а л.
Технический редактор К. М. М у р а т о в.
Ответственный корректор В. М. Т е р а б и л л а.

Консультант по художественному оформлению
академик Н. С. С а м о к и ш.

Общее руководство по техническому оформлению
А. М. Б о н д а р е н к о.

Супер-обложка, обложка, форзац, фронтиспис,
титulyные листы, заставки, концовки, заглавные
буквы К. М. М у р а т о в а.

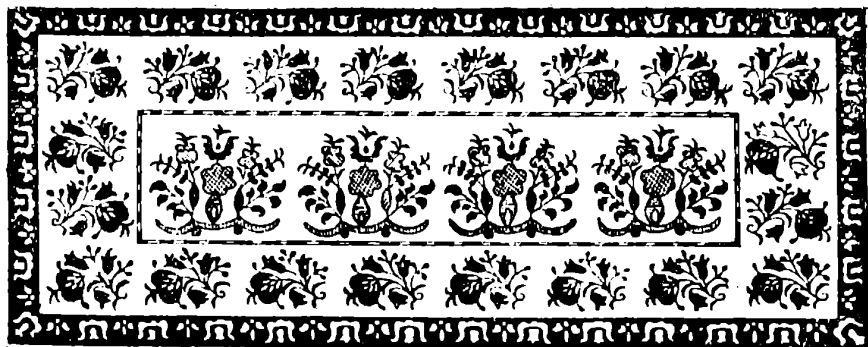
Рисунки и портреты сказителей:
художников А. В. В а р ф о л о м е с е в а
и П. М. Т у м а н с к о г о.

Заставки, заглавные буквы и концовки
в сказках №№ 4 и 6 Б. Д ж е п п а р о в а.

СКАЗКИ
И
ЛЕГЕНДЫ
ТАТАР
КРЫМА

— — — — —

ПРЕДИСЛОВИЕ

З.ИИШНЕ, пожалуй, говорить о том, какую огромную роль играет устное поэтическое творчество широких народных масс (фольклор) в развертывании культурной революции и в деле социалистического строительства нашей страны.

Собираанию и изучению фольклора в наших советских республиках отведено весьма почетное место.

Много внимания этому вопросу было уделено в работах Первого всесоюзного съезда советских писателей. В своем докладе на съезде А. М. Горький со всей силой подчеркнул необходимость собирания и изучения фольклора.

Не желая пройти мимо этого важнейшего культурного дела, Алушкинский музей с 1934 года в план своей научно-исследовательской деятельности включил

работу по собиранию и изучению фольклора крымских татар и выявлению кадров сказителей.

В течение года фольклорная бригада музея успела записать свыше сотни сказок и легенд, а также изрядное количество анекдотов о Насреддине-одже и Ахмет-Ахае, пословиц и поговорок.

Выпускаемый сборник сказок и легенд является первым результатом этой работы.

Большую помощь при выявлении сказителей оказала нам местная Алушкинская татарская неполная средняя школа в лице учащихся старших классов. Более сорока учеников приняли горячее участие в означенной работе и сыграли, таким образом, роль того актива по предварительной разведке фольклорных ценностей, на который предположено рассчитывать и в дальнейшем. Учащиеся комсомольцы и пионеры означенной школы Мемет Юнус, Мерием Исмаил, Эдем Исмаил проявили величайший энтузиазм в этом деле.

Алушкинский музей выражает глубокую благодарность профессору Н. Л. Эрнсту, которым составлены примечания и пояснения к сказкам, а также подготовлены к печати три легенды, помещенные в настоящем сборнике.

Директор Алушкинского государственного
историко-бытового музея Я. П. Бирзгал.

15 сентября 1935 г. Алушка.

О СКАЗКАХ КРЫМСКИХ ТАТАР

I

ОБЩЕЙ сокровищнице поэзии народов Советского союза крымскому фольклору предстоит занять одно из самых почетных и прочных мест.

Небольшой по размерам, но исключительно многообразный по национальному составу, Крымский полуостров может дать и, конечно, даст советской литературе значительное количество перво-классных произведений устной народной поэзии. Крымский фольклор необычайно богат, но богат он не только количественно. Это также и качественное богатство. Ведь ни одна область, ни одна республика нашей страны не испытала такой изменчивой истории, какая выпала на долю этого маленького полуострова. В крымской народной поэзии — в сказках, песнях,

пословицах, загадках и поверьях—можно различить отражения тех великих исторических сдвигов, которые в течение трех тысячелетий потрясали этот клочок земли, оставляя на нем глубокие и неизгладимые следы. Эллинская колонизация и римские завоевания, господство Византии и нашествие средневековых народов, набеги варяжских дружин и экспансия итальянского торгового капитала, кочевнические волны Золотой орды и феодальное ярмо крымского ханства, турецкий гнет и кабала русских помещиков и царя, все многообразие хозяйственных, политических и национальных форм запечатлелось на горах и берегах Крыма сотнями памятников материальной культуры. Херсонес и Пантикапей, Харакс и Эски-Кермен, Чуфут-Кале и башни генуэзцев, крепости и могильники, курганы и городища превращают Крым в сплошной исторический музей и заслуженно пользуются международной славой.

Но дыхание веков осело не только в этих мертвых развалинах и остывших письменах. История Крыма—не только в дольменах и исарах. Фрагменты этой истории, сглаженные, трансформированные, подчас не вполне уяснимые, звучат еще в устах народа, унаследовавшего в труде и борьбе эту многострадальную землю. Послушайте татарские сказки. На редкость разнообразные по тематике, сверкающие стилистическими узорами, они, как старинные клинки, хранят еще на себе прежнюю чеканку многих столетий и мастеров.

Однако же не в этой чеканке главный смысл,

значимость и актуальность крымского фольклора. Пусть буржуазная фольклористика говорит о довлеющей ценности «странствующего» сюжета, пусть утверждает приоритет поэтической традиции. Марксо-ленинская методология, отнюдь не отрицая наличия в фольклоре заимствований и поэтической традиции, опрокидывает теории о их самоценности.

Фольклор—прежде всего литература, и к фольклорным ценностям мы должны подходить с тем же критерием, с которым мы подходим к ценностям литературным. Фольклор—часть литературы и, стало быть, он подчиняется тем же законам, которым следует развитие литературы. Так же, как и произведения литературы, фольклор вырастает из определенной социальной среды и отражает ее собою, отражает собою изменения, в ней происходящие. Именно поэтому «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества» (А. М. Горький).

Если обширные торговые связи и занесли в Крым некие приемлемые и быстро, поэтому, привившиеся сюжеты, если поэтический арсенал и испытывает еще давление чужеземных художественных законов, то сама ткань сказки, ее *couleur local* и *couleur historique* (местная и историческая окраска), характеры действующих лиц и отдельные ситуации, в которые вступают персонажи,—в большинстве случаев порождены, или окрашены местными крымскими и социально-экономическими условиями и, в первую очередь, борьбой классов в крымских условиях.

В сказках о Хаджи Тильки и правоверных пилигримах главный персонаж напоминает нам Рейнеке-Лиса романских фавль. Допустим, что этот персонаж мог быть занесен в Крым генуэзскими купцами. Но прочтите сказку, и вы увидите, что Лис приобрел местные черты, и сказка сделалась памфлетом на специфически мусульманский институт хаджи, имевший широкое распространение в Крыму.

В сказке о трех талисманах фабула построена по принципам арабской сказочной техники. Возможность передачи этой техники в Крым очевидна. Но прочтите сказку, и вы увидите, что эта техника использована для оформления темы, специфической для крымских классов столкновений и, притом, в обстановке Бахчисарая.

В сказке об Усеине, сыне Асана, элементы фабулы явственно аналогичны фабульным элементам русских сказок о Кашее Бессмертном. Такие элементы могли быть занесены в Крым русскими и украинскими пленниками, приведенными из ханских набегов. Но прочтите сказку, и вы увидите, что эти элементы привлечены для разворачивания сюжета, саркастически рисующего обстановку крымского ханского двorca.

В крымских сказках звучат отголоски богатой фантазии Шехеразады и сочного юмора Декамероновской Италии. Могло ли быть иначе на старом стыке морских дорог с караванными путями? Но это отнюдь не мешает крымскому фольклору быть самостоятельным местным социальным и художественным памятником.

За отсутствием в прошлом массовой письменной татарской литературы именно в фольклоре как нельзя сильнее и как нигде четче проявились чаяния и упования закабаленного и угнетенного феодалами татарского народа. И если—по словам любимого ученика К. Маркса Поля Лафарга—устное народное творчество «кипит всеми страстями, наполнено живой кровью переживаний своего времени», то это как нельзя более применимо к фольклорному наследству крымских татар. Достаточно присмотреться к этому наследству, чтобы увидеть, как за традиционной сказочной оболочкой встает подлинная душа трудового народа, кипящего гневом против падишахов и султанов, против мулл, торгашей и мурзаков. Достаточно прочесть сказку о Кульбасты-батраке или сказку о блудном кадии, чтобы увидеть, как этот гнев, вырываясь из самых народных глубин, облекается то в протестующе-оппозиционные, то в сатирически обличающие формы. Где же, как не в сказке о наказанных беях, муллах и ханах можно было проявиться этому протесту закабаленного народа? Где же, как не в фольклоре, можно было вылиться ненависти к русскому колонизатору, высеяющему из Крыма татар десятками тысяч для «очистки» земель под свои усадьбы. Сказки приняли на себя роль выразителей интересов трудящихся масс татарской деревни, недаром злым и глупым героем их почти всегда выступает кадий, исправник, хан и мурза, а героем, который после долгих приключений торжествует над падишахом и